

© 1993 г.

К. МАННГЕЙМ

КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ*

Смысл консерватизма

1. Традиционализм и консерватизм

Начнем с более' подробного анализа нашего понимания консерватизма. Является ли консерватизм общим явлением в истории человечества или совершенно новым плодом исторических и социологических условий нашей эпохи? Ответ состоит в том, что существуют два вида консерватизма: с одной стороны, более или менее универсальный, а с другой — определенно современный, являющийся плодом определенных общественных и исторических обстоятельств, с собственной традицией, формой и структурой. Первый вид можно было бы назвать «естественным консерватизмом», другой же «современным», если бы не факт, что определение «естественный» уже слишком отягощено многими смыслами. Лучше будет поэтому воспользоваться определением Макса Вебера «традиционализм» для называния первого вида. Таким образом, говоря о консерватизме, мы всегда будет иметь в виду консерватизм «современный» — нечто решительно отличающееся от обычного «традиционализма».

Традиционализм означает тенденцию к сохранению старых образцов вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными. Этот «инстинктивный» традиционализм может трактоваться как начальная реакция на сознательные реформаторские тенденции. В своей ранней форме он был связан с магическими элементами в сознании, и наоборот — среди примитивных людей уважение к традиционным способам жизни сильно связано с страхом перед магическим злом, сопутствующим изменению. И сегодня мы имеем дело с традиционализмом этого рода, часто связанным с магическими пережитками старого сознания. Традиционализм не должен, таким образом, даже сегодня выступать совместно с консерватизмом политическим или каким-либо иным. Люди «прогрессивные», несмотря на свои политические убеждения, часто могут вести себя в большей степени «традиционалистично» в других сферах жизни.

Я не хочу, чтобы определение «консерватизм» понималось в общем психологическом смысле. Прогрессист, который ведет себя «традиционалистично» в частной или профессиональной жизни, или консерватор, который ведет себя «прогрессистски» вне политики — вот случаи, которые иллюстрируют, что я имею в виду.

Понятие «традиционалист» описывает нечто, что в большей или меньшей степени является формальной психологической характерной чертой каждого отдельного сознания. Однако «консервативное» действие всегда зависит от конкретных обстоятельств. Невозможно заранее определить кто поведет себя консервативно в политическом смысле, в то время как позиция, описываемая понятием «традиционалист» позволяет нам вычислить более или менее точно поведение традиционалиста. Нет, например, сомнений насчет реакции традиционалиста на введение железных дорог. Но реакцию консерватора можно предвидеть

**Продолжение. Начало см. в № 1,1993.*

лишь приблизительно, и то при условии, что мы уже много знаем о консервативном движении в данный период и в данной стране. Ясно только, что консервативное поведение' (по крайней мере, в политической сфере) предполагает проявление чего-то большего, чем автоматические реакции определенного рода: это означает, что индивидуум сознательно или бессознательно руководствуется способом мышления и действия, который имеет свою историю, более раннюю, чем встреча с ним данного индивидуума. Контакт с индивидуумом может в определенных условиях изменить в определенной мере форму и развитие данного способа мышления и поведения, и даже тогда, когда данный индивидуум уже не сможет участвовать в деятельности, способ этот будет иметь собственную историю и развитие, не зависящие от данного индивидуума. Политический консерватизм представляет собой, таким образом, объективную мыслительную структуру в противоположность «субъективизму» изолированного индивидуума. Он не является объективным в значении всеобщей и вечной закономерности. Никакая дедукция «a priori» из принципов консерватизма невозможна. Она не существует также вне индивидуумов, которые реализуют его на практике и воплощают собственным поведением. Это не имманентный принцип закона развития, который просто реализовывали бы члены движения (быть может, несознательно), не добавляя ничего от себя. Иными словами консерватизм — не объективное качество в верно или неверно понимаемой Платоновой трактовке предсуществования идей. Но в сравнении с существованием «*hic et nunc*» (здесь и теперь) переживаний отдельного индивидуума он явно отличается определенной объективностью.

Чтобы понять особую природу этой объективной мыслительной структуры, мы сперва должны ввести осторожное различие между вечной закономерностью и объективизмом. Содержание может быть объективно в том смысле, что существует вне данных — «*hic et nunc*» переживаний индивидуума, это не должно быть содержание вневременное. Структура может быть объективной — она может перерасти индивидуума, которого захватила временно в поток своего опыта, — но одновременно быть ограничена с точки зрения закономерности, подвержена историческому изменению и отражать лишь раскрытие конкретного общества, в котором мы эти структуры находим. Объективная мыслительная структура в данном смысле — это особая структура духовных и мыслительных факторов, которые не могут быть признаны независимыми от индивидуумов — носителей, поскольку ее производство, воспроизводство и дальнейшее развитие зависят исключительно от судьбы и спонтанного развития этих индивидуумов. Структура может быть объективна в том смысле, что изолированный индивид никогда не мог бы ее создать, будучи в состоянии — самое большее — принадлежности одной из фаз ее исторического развития в том смысле, что она всегда существует дольше чем отдельные ее носители. Как номинализм, так и реализм не видят существа объективности мыслительной структуры в этом понимании. Номинализм никогда не добирается до сути дела, поскольку старается растворить объективную структуру в изолированных переживаниях индивидуумов (см. понятие «интенционального смысла» Макса Вебера), в то время как неудача реализма связана с тем, что через «объективность и закономерность» он понимает лишь нечто метафизическое, совершенно не зависимое от природы и судьбы отдельных индивидуумов и носителей, нечто неизменное и нормативное (предсуществующее). Между этими крайностями есть, однако, и третья возможность, которая не является ни номинализмом, ни реализмом. Именно это я называю динамической, исторической и структурной конфигурацией; понятие это предполагает род объективности, имеющей начало во времени, развивающейся и пропадающей также во времени, тесно связанной существованием и судьбой конкретных человеческих групп «представляющей собой по сути их создание. Тем не менее это подлинно «объективная» мыслительная структура, поскольку мы всегда находим ее «до» индивидуума в каждой эпохе и поскольку, в сравнении с каждым простым кругом переживаний, она сохраняет свою определенную форму — структуру. И хотя в каждый конкретный момент такая объективная ментальная структура может предполагать существование упорядочивающего принципа, в соответствии с которым переживания и компоненты, из которых она состоит, были расположены и соотнесены между собой, ее не следует считать чем-то статичным. Конкретные формы и структура этих связанных между собой

переживаний и компонентов могут быть выполнены только в приближении и только для определенных периодов, поскольку структура эта динамична и подвергается постоянным изменениям. Более того, она не только динамична, но и исторически обусловлена. Каждый шаг в процессе изменения тесно связан с предыдущим, поскольку каждый новый шаг меняет нечто во внутреннем порядке и связях между составляющими той структуры, которая существовала на предыдущем этапе, так что она не является чем-то вполне новым и не связанным с прошлым. Мы можем, таким образом, говорить о развитии и об изменении. Это развитие внутреннего смысла, которое однако можно понять только *ex post*

В рамках всякой динамичной историко-структурной конфигурации мы можем выделить отдельные «основные интенции» («Grundintention») усваиваемые индивидуумов в той мере, в какой его собственный опыт определяется «структурной конфигурацией» как таковой. Даже эта сердцевина, эта основополагающая интенция не является вечно правомерной во времени и истории. Она также возникла в истории и в близкой связи с судьбой конкретных живых людей.

Консерватизм представляет собой именно такую исторически развитую динамичную объективную структурную конфигурацию. Люди переживают опыт и ведут себя консервативным образом (в отличие от традиционалистского) в той и только в той мере, в которой включаются в одну из фаз развития этой объективной мыслительной структуры (обычно в современную им фазу), и ведут себя в соответствии с этой структурой или просто воспроизводя ее целиком или частично, или развивая ее далее через приспособление к конкретным жизненным ситуациям.

Только тогда, когда особая природа объективности этой динамичной структурной конфигурации будет вполне понята, можно будет отличить поведение «консервативное» от традиционалистского.

Традиционалистское поведение представляет собой практически чистую серию реакций на внешние раздражители. Поведение консервативное — осмыслено, вдобавок осмыслено по отношению к изменяющимся от эпохи к эпохе обстоятельствам. Ясно, что нет неизбежного противоречия в факте, что политически прогрессивный индивидуум реагирует вполне традиционалистски в своей повседневной жизни. В политической сфере им движет более или менее осмысленная объективная структурная конфигурация, но в повседневной жизни его проведение представляет собой цепь реакций. Теперь встают два вопроса. Во-первых, определение «консерватизм» следует понимать не только в политическом смысле, хотя, как увидим, политический аспект, как правило, весьма важен. Консерватизм предполагает также существование общего философского и чувственного комплекса, который может даже создавать определенный стиль мышления. Во-вторых, консерватизм как объективная историко-структурная конфигурация необязательно должен исключать из своей сферы традиционалистские элементы. Напротив, мы увидим, что в действительности консерватизм может воплощаться в конкретном историческом виде традиционализма, развивая его до конечных логических выводов.

Однако, несмотря на частичное наложение обоих явлений, а может быть, именно «поэтому различие между поведением исключительно традиционалистским и консервативным необычайно точно. Именно потому, что традиционалистское поведение имеет чисто формальную полуреактивную природу, у него практически нет истории, которую можно было бы проследить, в то время как консерватизм, напротив, представляет собой качество с явно исторической и общественной длительностью, сформированное и развитое в особой исторической и социальной ситуации, как на то указывает лучший проводник по истории — язык (само определение «консерватизм» новое и относительно свежее).

Шатобриан первый придал этому слову, особое значение, дав название «Консерватор» периодическому изданию, предназначенному для пропаганды идей политической и клерикальной Реставрации. Слово вошло в широкий обиход в Германии в 30-е годы, а в Англии было официально принято в 1835 г. Появление нового термина можно считать показателем нового общественного явления, хотя это немного нам говорит о подлинной природе последнего.

2. *Общественный фон современного консерватизма*

Современный консерватизм отличается от традиционализма прежде всего тем, что является функцией одной специфической исторической и социологической ситуации. Традиционализм — это общая психологическая позиция, выражающаяся у разных индивидуумов как тенденция держаться за прошлое и избегать новаций. Но эта элементарная психологическая тенденция может выполнять особые функции по отношению к общественному процессу. То, что прежде представляло собой исключительно только общую для всех людей психологическую черту, в особых обстоятельствах становится центральным фактором, придающим единство особо тенденции в общественном процессе.

Такое развитие традиционалистской позиции, превращающейся в ядро определенного общественного направления, не происходит спонтанно, оно выступает как реакция на тот факт, что «прогрессивность» оформилась в качестве определенной тенденции.

Традиционализм является по сути одной из таких скрытых тенденций, которые присущи каждому индивидууму. Иначе консерватизм, сознательный и рефлексивный, поскольку с самого начала он выступает как движение «против», в сознательной оппозиции к высокоорганизованному, целостному и систематическому «прогрессивному» движению.

Появление сознательного консервативного движения указывает, что современный общественный и интеллектуальный мир сформировал определенную свойственную для него структуру. Само существование консерватизма как целостной тенденции означает, что история вся более развивается через взаимодействие таких целостных тенденций и движений, из которых одни «прогрессивны» и форсируют общественные изменения, в то время как другие «реакционны» и сдерживают их.

Возникновение таких тенденций объясняет нам тот факт, что современное общество постепенно достигает состояния нового динамичного единства, ценой всех старых, самодостаточных феодальных единиц, все более растворяющихся в единицах национальных; эти последние позже, возможно, растворяются в наднациональных целостностях. Хотя на первых порах нации остаются в значительной мере автономными социально и культурно, основные экономические и общественные проблемы во всех современных государствах так схожи в структурном плане, что нет ничего удивительного в том, что сравнимые общественные и интеллектуальные разделы повторяются всюду.

Эти общие для всех современных государств структурные проблемы таковы: 1) достижение национального единства, 2) участие народа в правлении, 3) включение государства в мировой экономический порядок, 4) решение социальной проблемы.

Проблемы эти так важны для социальной и интеллектуальной жизни сообщества, что все внутренние разделы явно углубляются в связи с напряженностью, вытекающей из попыток решения этих основных проблем общественной структуры. Религиозные столкновения превратились в политическую борьбу, и уже во время английской революции можно наблюдать политические разделы, скрытые за религиозными различиями. Чем больше мы приближаемся к XIX веку, тем более это справедливо по отношению к другим интеллектуальным явлениям, тем легче описать их, обращаясь к линиям партийных разделов, в категориях, опосредованных или непосредственных связей с общественными или политическими проблемами.

По мере того, как сознательный, функциональный консерватизм появляется в качестве самостоятельной политической силы, он выходит также за рамки собственно политической сферы и становится определенной формой опыта и мысли. Примерно в это же время, а может быть, даже несколько раньше, чем появился политический консерватизм, сформировался также соответствующий «Weltanschauung» и консервативный способ мышления. Определения «консервативный» и «либеральный» в нашей терминологии нечто большее, чем политические цели. Они предполагают особое родство с определенными философиями и, следовательно, совершенно различные способы мышления. Таким образом, понятие «консерватор» означает, так сказать, всю обширную структуру мира, и социологическое определение этого слова (неизбежно более богатое, чем политико-историческое определение) также должно учитывать историческую конфигурацию, которая породила новое определение как показатель нового факта.

Для того чтобы выяснить, почему «современный консерватизм» появился так поздно, нужно изучить различные исторические и общественные факты и факторы, в связи с которыми сложились условия, необходимые для его развития. Следующие факторы, в том случае, если они выступают одновременно, создают, как я полагаю, необходимые исторические и общественные условия для возникновения консерватизма:

1) Уклад историко-общественных сил должен перестать быть статичным. Он должен стать динамичным процессом направленных изменений. Отдельные события должны во все большей степени указывать в каждой сфере на ключевые проблемы развития общественной ткани. Сначала это будет происходить произвольно, позднее станет сознательным и добровольным действием, а осознанность роли отдельных составляющих в развитии целого будет расти. Число изолированных самодостаточных общественных единиц, существовавших прежде, также соответственно уменьшится. Самое обыденное действие, сколь бы маловажным оно ни было, теперь влияет на общий процесс развития, ускоряя его или сдерживая. Таким образом можно будет все яснее и легче описывать события и позиции в категориях их функций в развитии общества как целого.

2) Далее, динамика этого процесса должна во все большей степени вытекать из социальной дифференциации. Должны появиться разные классы («горизонтальные» социальные группы, реагирующие на события более или менее однородно). Некоторые будут стремиться к подталкиванию общественного развития, другие — к тому, чтобы его задержать или даже сознательно повернуть вспять.

3) Затем, идеи также нужно различать по сходным принципам. Главные мыслительные тенденции, несмотря на то, какие смеси и синтезы возникнут, должны соответствовать общим чертам этой общественной дифференциации.

4) Отметим, наконец, что эта социальная дифференциация (на группы с разной функцией по отношению к общественному процессу — ускоряющей или сдерживающей) должна становиться все более политической, а позднее даже чисто экономической. Политический фактор должен быть автономен и должен стать ядром, вокруг которого кристаллизуются новые группировки.

Короче говоря, развитие и распространение консерватизма как явления, отличного от обычного традиционализма, зависят в конечном счете от динамичного характера современного мира (основой этой динамики является социальная дифференциация). Они зависят также от факта, что такая социальная дифференциация направляет человеческую мысль и подталкивает ее к развитию, соответствующему этой дифференциации, и, наконец, от факта, что основные цели разных социальных групп не только кристаллизуют идеи, приводя благодаря им в действие действительные изменения в мышлении, но и приводит к созданию антагонистических «Weltanschauungen» и различных антагонистических стилей мышления. Одним словом, традиционализм может стать консерватизмом только в таком обществе, где происходит изменение через классовый конфликт, то есть в классовом обществе. Таков социологический фон современного консерватизма.

3. Морфология консервативной мысли

Консерватизм можно изучать с двух точек зрения. Мы можем считать его относительно самостоятельным и вполне развитым плодом эволюционных процессов, либо акцентировать его динамический аспект и исследовать генетический процесс, ведущий к появлению этого плода.

Мы должны применить оба подхода. Однако в данный момент мы намерены дать общую описательную характеристику стиля мышления, лежащего в основе немецкого консерватизма, так что условимся сразу, что за ним стоит историческое развитие, и приглядимся к конечному результату. Историческое развитие будет предметом следующей главы, а такой исторический анализ нельзя начать, не исследовав определенные основополагающие факторы, поскольку они предопределяют характер процесса.

Нашей первой задачей, которой мы сейчас займемся, будет, таким образом, относительно недифференцированное описание немецкой консервативной мысли начала XIX века.

Мы сделаем это в два этапа. Во-первых, мы должны заняться неартикулированным групповым опытом, дающим основополагающий мотив, из которого вырастает стиль мышления. Затем мы сможем заняться вполне артикулированными политическими тезисами, выражающими консервативный стиль мышления, и попробовать выявить ключевую проблему, дающую стилю мышления его теоретическую цельность, определяющую его развитие и позволяющую его интерпретировать.

I. Основополагающий мотив консервативной мысли

Нельзя обойтись без такого анализа стиля мышления, который отсылает к основополагающему мотиву, поскольку только таким образом мы можем обезопасить себя от произвольных конструкций, лишенных оснований в действительности. Мы должны, насколько возможно, строго придерживаться аутентичных проявлений мыслительных тенденций, которые исследуем. Это внутреннее ядро, этот источник движения в самом сердце консервативной мысли несомненно связан с чем-то, что мы назвали традиционализмом.

В определенном смысле консерватизм вырос из традиционализма: в сущности это прежде всего сознательный традиционализм. Тем не менее это не синонимы, поскольку традиционализм проявляет специфически консервативные черты только тогда, когда становится выражением определенного, цельно и последовательно реализованного способа жизни и мышления, формирующегося с самого начала в противостоянии к революционным позициям, и когда он функционирует как таковой, как относительно автономное движение в рамках общественного процесса.

Одна из наиболее характерных черт этого консервативного способа жизни и мышления — стремление придерживаться того, что непосредственно дано, действительно и конкретно. В результате мы получаем совершенно новое, очень выразительное ощущение конкретности, отражаемое в использовании определений «конкретность» с антиреволюционным подтекстом. Переживать и мыслить «конкретно» означает теперь стремление ограничить собственную деятельность непосредственным окружением, в котором мы находимся, и безусловное отвержение всего, что попахивает спекуляцией или гипотезой.

Неромантический консерватизм всегда исходит из конкретного случая к никогда не выходит за горизонт, очерченный конкретным окружением. Он занимается непосредственной деятельностью, изменением конкретных частных, и в результате не дает себе труда заняться структурой мира, в котором живет. С другой стороны, всякая прогрессивная деятельность пользуется сознанием того, что возможно. Она выходит за рамки непосредственной действительности и обращается к возможности систематических изменений, которые в ней содержатся. Она бежит от конкретности не потому, что хотела бы заменить ее другой конкретностью, но потому, что стремится к созданию иной системной исходной точки для дальнейшего развития.

Консервативный реформизм основывается на замене одних единичных факторов другими единичными факторами («улучшении»), Прогрессистский реформизм стремится к устранению неудобного факта путем реформы всего окружающего мира, который делает возможным существование этого факта. Таким образом, прогрессистский реформизм стремится к изменению системы как целого, в то время как консервативный реформизм занимается отдельными деталями.

Консерватор мыслит в категориях системы, представляющей собой только реакцию, — либо вынужденный создавать собственную систему, чтобы противостоять прогрессистам, либо тогда, когда развитие событий лишает его всякого влияния на современность, так что он должен пытаться повернуть вспять колесо истории, чтобы вновь обрести возможность влиять на события.

Этот контраст между мыслью консервативной и мыслью абстрактной, которая является одним из способов переживания окружающего мира, и только затем становится чертой мысли как таковой, вместе с фактом, что для их современных форм послужил опорой разный политический опыт, вот ключевой пример стилей переживания, которые могут дожидаться общественного применения, функционализации.

Появление современного общества зависит во многом от того, приносятся ли в жертву целые классы ради дезинтеграции существующей общественной структуры. Такое мышление неизбежно должно быть абстрактным — оно питается потенциальными возможностями. Таким же образом мышление и переживания тех, кто стремится сохранить сложившееся положение и ослабить прогресс, неизбежно оказываются конкретными и не могут вырваться за рамки существующей общественной структуры.

Специфическая природа консервативной конкретности нигде, пожалуй, не проявляется так явно, как в понятии собственности, отличающемся от обычного современного буржуазного понимания этого явления. Здесь стоит упомянуть Мезера. Он прослеживает постепенное исчезновение старого отношения к собственности, которое уже начало оказывать влияние на его эпоху. Мезер показывает, что прежняя «настоящая собственность» была связана с собственником совершенно иначе, чем теперь. Тогда существовала особенно живая, взаимная связь между собственностью и ее хозяином. Собственность в старом, «настоящем» смысле давала хозяину определенные привилегии — например, право голоса в государственных делах, право охоты, право войти в число присяжных. Она была тесно связана с его личной честью, и в определенном смысле ее нельзя было утратить. Когда собственник, например, менялся, право охоты к нему не переходило; а сохранение за старым хозяином права охоты явно свидетельствовало, что новый хозяин — ненастоящий. Также потомственный дворянин, покупая имение у неродовитого человека, не мог однако перенести на него «настоящей» собственности только на том основании, что сам он принадлежал старому дворянству. Существовала, таким образом, непреходящая взаимная связь между конкретным имением и конкретным собственником.

В эпоху Мезера такое ощущение собственности еще существовало, хотя языковой след его уже исчез. Он оплакивает эту утрату, говоря: «Как же несовершенны язык и философия, которые не имеют уже специальных средств выражения для таких основополагающих различий».

Мы видим здесь богатство дотеоретического, неартикулированного опыта, воплощающего связи самого конкретного рода между личностью и собственностью. Это богатство существовало в феодальном обществе и было затем вытеснено абстрактным понятием буржуазной собственности, которое искоренило прежнюю конкретность переживаний. Позднейшие теории, особенно романтично-консервативные, все обращаются вспять к феодально-консервативному понятию собственности, сущность которого Мезер ухватил, так сказать, в последний момент.

А. Мюллер считает имения продолжением членов человеческого тела и описывает феодализм как амальгаму человека и вещи. Он приписывает исчезновение этой связи распространению римского права и говорит — о французской революции римлян, обвиняя ее в этом.

Это только отголоски прошлого, пристрастно извлекаемые на свет Божий. Их значение состоит в доказательстве того, что живые связи, распространяющиеся на вещи, некогда действительно существовали. Акцент на интимность связи между собственностью и собственником мы находим еще у Гегеля.

Для Гегеля существо собственности состоит в том, чтобы «показать, что в эту вещь я вложил мою волю», а «смысл собственности состоит не в том, что она удовлетворяет потребности, а в том, что в ней устраняется чистая субъектность личности». Интересно, что здесь выступает нечто, что мы заметим и позднее, а именно: обучение левых, оппозиционных по отношению к буржуазно-капиталистической мысли, правой оппозицией. Абстрактный характер межчеловеческих отношений при капитализме, неустанно подчеркиваемый Марксом и его сторонниками, первоначально представлял собой открытие наблюдателей консервативного лагеря.

Мы вовсе не предполагаем, что различие между понятиями «абстрактным» и «конкретным» не было известно раньше, мы только указываем, что эти два различных способа переживания истории постепенно развились на противоположных флангах и получили воплощение в общей форме опыта, характерной для разных групп в соответствии с их позицией в динамичном общественном процессе.

Другим ключевым понятием при анализе разных стилей мышления и способов переживания мира является понятие свободы.

Революционный либерализм понимал свободу как явление из экономической сферы, состоящее в освобождении индивидуума от средневековой зависимости от государства и цехов. В политической сфере свобода понималась как право личности поступать по собственной воле и, прежде всего, право в полной мере пользоваться неотъемлемыми правами человека. По этой концепции индивидуум встречает ограничение лишь тогда, когда вторгается в сферу свободы ближних. Равенство выступает, таким образом, логическим дополнением этого типа свободы — поскольку она не имеет смысла без принципа политического равенства всех людей. В действительности революционный либерализм никогда не думал о равенстве всех, никогда не думал о равенстве иначе как о постулате. Он определенно никогда не трактовал равенства как эмпирический факт и на практике никогда не требовал равенства для всех людей, исключая периоды политической и экономической борьбы. Но консервативная мысль превратила этот постулат в фактическое утверждение и объявила: либерализм провозглашает, что все люди фактически и со всех точек зрения равны.

Однако уже из этого социологически обоснованного недоразумения вырастает, как это часто бывало и прежде, новое понимание фактической дифференциации мыслительных тенденций. Как и в случае с понятием собственности консервативная мысль еще раз спасла более ранний, почти вытесненный способ переживания и мышления и, проявив его, позволила ему сыграть действенную роль в динамическом процессе.

Политическая необходимость заставила консерваторов выработать собственное понимание свободы, отличное от либерального. Они выработали нечто, что можно было бы назвать качественной идеей свободы в отличие от ее революционно-эгалитарной концепции. Контрреволюционная оппозиция инстинктивно поняла, что идею свободы как таковую атаковать не следует; ее надо укоренить в скрытой глубине идеи равенства. Утверждалось, что люди принципиально неравны, неравны талантом и способностями, неравны в самом существе своем. Свобода может таким образом основываться исключительно на способности каждого индивидуума к развитию без препятствий со стороны других согласно праву и обязанностям собственной личности. Мюллер, например, говорит: «Ничто не могло бы быть так враждебно той свободе, которую я описал, как понятие внешней свободы. Если свобода эта попросту общее стремление различных существ к развитию и росту, то нельзя придумать ничего более ей противоречащего, чем фальшивое понимание свободы, которое отняло бы у всех индивидуумов особые черты, то есть их разновидность».

Такова романтично-консервативная идея свободы, которая получает политическое значение. Революционный либерал, мыслящий абстрактно в категориях возможного, а не действительного, придерживается «абстрактного оптимизма», повторяя принцип всеобщего равенства, по крайней мере, равенства возможностей, не определяя границ свободы индивидуума, за исключением границ, налагаемых существованием других людей. Романтический же мыслитель видит свободу ограниченной тем, что Зиммель называл «законом развития индивидуума», в рамках которого каждый должен определить как свои возможности, так и ограничения.

Этот вид свободы, укорененный в природе индивидуума, типично романтичен и близок своеобразному варианту анархического субъективизма. И хотя консерваторам удалось субъективизировать проблему свободы (притупив этим её революционное острие), субъективная анархия, которой они заменили вытекающую из либеральной концепции внешнюю политическую анархию, все еще потенциально угрожала безопасности государства. Отдав себе в этом отчет, романтическая мысль тотчас породила тенденцию (свидетельствующую о ее переходе к консерватизму) к различению между понятиями «качественной свободы» и свободы индивидуума и к ее перемещению к «подлинным носителям» и «подлинным субъектам» свободы, то есть к коллективам, «органическим сообществам», сословиям. С тех пор сословия стали носителями внутреннего принципа развития, в неограниченной реализации которого состоит свобода. Ясно видно, что качественная концепция свободы происходит, по крайней мере частично, из мысли феодальной. «Свобода» различных сословий в условиях феодализма означала бы их «привилегии», а качественный и неэгалитарный привкус, заключенный в средневековой

концепции, вновь оживает. Но даже в новой форме концепция еще может угрожать государству и положению правящих групп, что позднейший консерватизм понимает. Он пытается подобрать качественно отличные индивидуальные и корпоративные «свободы» таким образом, чтобы их можно было подчинить высшему принципу, репрезентативному для всего общества. Историческая школа, Гегель, Шталь и другие различаются между собой только в понимании этой высшей тотальности: формальная структура даже самых разных решений проблемы остается та же самая.

Решение состоит в перенесении свободы в сферу, связанную исключительно с субъективной, частной стороной жизни, в то время как все общественные и внешние отношения остаются подчинены принципу порядка и дисциплины. Появилась, однако, проблема: что должно предотвратить столкновение между двумя сферами — субъективной свободы и внешнего порядка. Решение было найдено в предположении своеобразной «предустановленной гармонии», которую либо гарантирует непосредственно Бог, либо естественные силы общества и нации. Консерватизм явно многому научился у либерализма, от которого перенял как понятие «разделения сфер», так и понятие «невидимой руки», обеспечивающей общую гармонию.

Историческая школа пользуется прежде всего понятием «нации» или «национального духа», чтобы получить то необходимое более широкое целое, которое предотвратит деградацию личной или групповой свободы до уровня простого анархического каприза. Ротхакер показал, что в работах Ранке понятие государства постепенно заслонило понятие нации. Решение проблемы, представленное Ранке и де Савиньи, состояло во всяком случае в перенесении этой качественной свободы с индивидуумов и сословий на нацию и государство. Только государство, развиваясь свободно по своим собственным законам развития, — свободно. Индивидуум ограничен и может быть полезен только в границах этих более широких общностей.

Напряжение между гармонией и свободой достигает апогея у Гегеля, который как обычно пробует сохранить оба элемента. Согласно Гегелю, то, что он назвал революционной абстрактной концепцией свободы, составляет промежуточную стадию в развитии и истине. «Эта негативная свобода или, иначе говоря, эта рассудочная свобода есть свобода односторонняя, но эта односторонность всегда заключает в себе определенное одностороннее определение, а он (Гегель) поднимает ее до уровня определения единственного и окончательного». Смысл «негативной абстрактной свободы» становится ясен из дальнейших рассуждений: «Более конкретно эта форма проявляется в активном фанатизме политической или религиозной жизни. Это относится к периоду террора французской революции, в которой должны были быть уничтожены все различия таланта и авторитета. Это был период потрясений, возбуждения нетерпимости против всего, что составляло хоть какую-то особенность. Ведь фанатизм стремится к абстракции, а не дифференциации; если появляются какие-то различия, фанатизм считает их противоречащими своей неопределенности и уничтожает». Так» Гегель подходит к третьему принципу, среднему между «абстрактной свободой» и обычной «разнородностью». Это принцип конкретной свободы. Он говорит: «Третий момент состоит теперь в постулате, чтобы *Я* в своем ограничении, в этом своем ином, было у себя, чтобы самоопределяясь, оно осталось, несмотря на это у себя и сохранило цельность. Этот третий момент является, таким образом, конкретным понятием свободы, в то время как два предыдущие оказались безусловно абстрактными и односторонними».

Шталь также пробовал бороться с романтической концепцией свободы. Подобно Гегелю, он старался вобрать в себя всю консервативную традицию, а свое решение основывал на принципе авторитета. Отсюда следующий вывод: «Свобода не состоит в способности действовать так или иначе согласно арбитражным решениям, свобода состоит в способности сохранить себя и жить в соответствии с глубочайшим существом собственной личности. Глубочайшее существо индивидуума — это индивидуальность, которая не признает никаких внешних законов и предписаний. Тем не менее, те права индивидуума, которые защищают независимую частную сферу, а также признают за индивидуумом право участвовать в

политике государства, составляют существенный элемент политической свободы. Но наиболее глубокая сущность человеческой личности — это не только его индивидуальность, но и мораль». Это подводит Штала к окончательному решению проблему свободы: «Цель политики — обеспечить материальную, а не только формальную свободу. Она не должна отделять индивидуум от физической власти или морального авторитета и исторической традиции государства, чтобы не основывать государства на обычной индивидуальной воле».

Хватит пока примеров. Все эти решения проблемы демонстрируют ту же самую фундаментальную тенденцию, то же самое стремление к «конкретности» и «качеству». Всегда употребляются такие термины, как «материальная свобода» (А. Мюллер), подобно тому, как в случае с собственностью. «Конкретный» и «качественный» — это, однако, выражения, которые вовсе не описывают основного мотива, лежащего за всеми этими рассуждениями. Примеры, которые мы привели, служат только тому, чтобы указать на нечто более основополагающее: на обращение к более ранним образам жизни.

Существует еще одна оппозиция помимо «конкретности» и «абстракции» (близко с ними связанная), которая также очень важна для основного конфликта между прогрессом и консерватизмом. Прогрессивная мысль видит действительность не только в категориях возможности, но также в категориях нормы. С другой стороны, консервативная мысль пробует видеть действительность как результат влияния реальных факторов, пробует понять норму в категориях действительности.

В конечном счете мы и в этом случае видим два способа переживания мира, из которых вырастают два стиля мышления. Один представляет довольно разнородный подход к вещам, людям и институтам, поскольку всегда смотрит на них с требованием «так должно быть» вместо того, чтобы подходить к миру как к комплексу законченных и, конечных продуктов длительного процесса развития. Если мы примем первый подход, то окажется, что мы едва видим реалии нашего окружения и никогда не привязываемся к миру настолько, чтобы это позволило нам быть снисходительными к его несовершенству, что мы не испытаем чувств солидарности, которые заставляли бы нас заботиться о выживании этого мира. Но другой подход склоняет нас к некритическому принятию действительности со всеми ее недостатками. Первая позиция основана на том, что институты переживаются и оцениваются как целое, в другом случае мы всегда тонем в море подробностей. Чтобы понять значение этих позиций, мы должны уяснить, что к числу характерных черт психических явлений принадлежит и то, что нельзя понять каждое из них в отдельности, но как только функциональные части большего целого. Если мы хотим что-то интерпретировать в категориях смысла — а мыслительные феномены существуют лишь постольку, поскольку имеют смысл — мы должны их понять как фазы в какой-то целенаправленной деятельности.

Консерватор, со своей сильной привязанностью к принципу (не менять сложившееся положение) хотел бы избежать выяснения значений в этом их понимании, трактуя действительность как нечто, что попросту не существует. Это порой приводит к нотке фатализма. Консервативная интерпретация (или приписывание смысла) возникает как враждебная реакция на революционный способ создания или понимания смысла вещей. Консерватор умеет наделять явления смыслом только путем их «округления» и приспособления к большему целому. Но процесс, метод округления совершенно отличен от метода, известного из либерально-революционной мысли и опыта. Это свидетельствует о том, что и в этой сфере способы переживания мира развиваются в тесной связи с общественным фоном. Особый характер консервативного способа переживания явлений в более широком контексте основан на подходе «сзади», со стороны их прошлого. Для прогрессивной мысли все в конечной инстанции обретает свое значение из чего-то вне или над собой, из утопии будущего либо из соотношения с трансцендентной формой. В свою очередь консерватор видит всякое значение явления в том, что за ним стоит, или в прошлом как в зародыше эволюции. Там, где сторонник прогресса будет мыслить в категориях норм, консерватор — в категориях зародышей.

Эту идею «прошлого, которое за этим кроется», можно интерпретировать двояко: как прошлое или как предыдущую фазу эволюции, которая может объяснять любой элемент современной ситуации. Если встать на первую точку зрения, то все имеет смысл постольку, поскольку возникло в длительном процессе развития. С другой точки зрения, все, что существовало в истории, имеет смысл, поскольку выявляет именно определенные движущие силы, определенную тенденцию духовного и психического развития.

Так, второй из названных подходов предлагает нам рассматривать каждое явление «физиономически», как проявление основополагающего мотива, как определенный аспект целого, представленный в зародыше начальной фазой. Оба эти консервативные способы обобщения явления и придания ему смысла ведут, таким образом, к целостному видению, к большему целому. С другой стороны — большое целое, в котором прогрессист помещает явления, выводится из рациональной утопии, что, в свою очередь, ведет к структурному видению существующего и развивающегося общества. Может быть сравнение прояснит проблему. Консервативное видение мира напоминает в целом образ дома, какой мы получили бы, разглядев его со всех сторон: это конкретный образ дома со всеми подробностями, видимый под разными углами. Но прогрессиста не интересуют все эти подробности: он идет проект, и его образ годится скорее для рационального анализа, чем интуитивного воображения. За этим различием способов подстраивания отдельных явлений под большие целостности кроется следующее радикальное различие между прогрессистским и консервативным образцами переживания опыта — на этот раз различие в способе переживания времени.

Говоря кратко, эти различия сводятся к следующему: прогрессист переживает настоящее как начало будущего, консерватор же считает его последним пунктом, которого достигло прошлое. Это различие тем более основополагающее и радикальное, что линейная концепция истории, постулируемая здесь, является для консерватора чем-то вторичным. Консерватор переживает прошлое как нечто равное настоящему, поэтому его концепция истории скорее пространственная, чем временная, поскольку выдвигает на первый план сосуществование, а не последовательность. Мы лучше это поймем, если вспомним, что для типично феодальных групп (аристократов и крестьян) история укоренена в почве.

Земля — настоящий фундамент, на который опирается и на котором развивается государство, так что только земля может создать историю. Мимолетный индивидуум заменяется более постоянным фактором — землей как основой событий. Как говорит Мезер, «По-моему история Германии приняла совсем бы другой оборот, если бы мы проследили все перемены судьбы имений как подлинных составных частей нации, признав их телом нации, а тех, кто в них жил, хорошими или плохими случайностями, которые могут приключиться с телом».

Каждый изолированный индивидуум и событие считаются чисто случайными и мимолетными перед этой территориальной субкультурой. Такое пространственное упорядочение событий во времени совершенно очевидно у А. Мюллера, который с языковой виртуозностью, характерной для всех романтиков, выковал консервативный контртермин «сопространственность» вместо демократически окрашенного термина «современность». В ответе на вопрос «что есть нация?» он отбросил понятие данной нации, скажем, французской, как состоящей из существ, наделенных головой, двумя руками, двумя ногами, которые именно в этот отнюдь не важный момент стоят, сидят или лежат на части земного шара, называемой Франция. Он противопоставил этому определение нации как хрупкого общества, долгой череды прошедших, настоящих и будущих поколений (...), проявляющейся в общем языке, обычаях и законах, в переплетениях разнообразных институтов использования имений (...), в старых фамилиях, в конечном счете, в одной бессмертной семье (...) государя»...

Буржуазно-демократический принцип делит время таким образом: он переживает движение, но может овладеть его динамикой только постольку, поскольку в состоянии расщепить движение на временные срезы. О том, что есть «общая воля», можно узнать в любой момент из голосования. Таким образом, в буржуазно-демократическом обществе время существования общества подвергается атомизации, как и национальная «общность», делимая на отдельные

атомы. Мы реконструируем временное и национальное целое только через сближения, добавляя разные срезы, представляющие разные периоды.

Никакая «тотальность» совместного существования общества не может быть уловлена, разве что в виде суммы.

Таким образом консервативная мысль сосредоточивается на прошлом в той мере, в какой прошлое живет в современности, а мысль буржуазная, принципиально сосредоточенная на современности, живет благодаря тому, что собственно, есть новое, в то время как пролетарская мысль пробует уловить элементы будущего, существующие уже в настоящем, сосредоточиваясь на тех существующих в данный момент факторах, в которых можно увидеть зародыши будущего общества.

Здесь мы добрались, наконец, до корней различия между консервативными и прогрессистскими формами опыта. Благодаря нашему анализу ряда примеров, становится все более понятным, что сегодня мы имеем дело с множеством позиций, с которых можно переживать и понимать общественные и исторические события. Каждый из нас может их видеть с различных, так сказать, мест в потоке той же самой истории. Существуют такие способы и действия в настоящем, которые опираются на образцы реагирования, характерные для условий прошлого, но существующие и сегодня. Другие появились во время борьбы за овладение современностью, а иные, хотя и рождены в лоне современности, станут доминирующими творческими факторами лишь в будущем. Важно отдавать себе отчет в том, какая из этих позиций определяет нашу оценку исторического процесса.

Мы собрали уже много характерных черт консервативной формы переживаний и мышления. Мы рассмотрели ее качественную природу, акцент на конкретность как оппозицию абстрактности, принятие длящейся действительности в противоположность прогрессистской жажде изменений, иллюзорную одновременность, которую она видит в исторических событиях, в сравнении с либеральной концепцией линейности исторического развития, попытку заменить индивидуум именем в качестве основы истории и предпочтение органических социальных целостности составным общностям, как «классы», которые предпочитали ее противники. Все эти отдельные черты не могут составить, однако, концепции, которая представит консерватизм как таковой. Это только примеры, возвещающие об основном мотиве — фундаментальном импульсе, который лет в основу этого стиля мышления. Наша цель — заглянуть дальше, за примеры, к основному мотиву, исследовать его развитие и понять его функциональный смысл по отношению к общим социальным процессам. Важно, что акцент на конкретность и другие описанные выше черты — это симптомы переживания консерватором исторического процесса в категориях отношений и ситуаций, существующих только как пережитки прошлого, а импульсы к действию, рожденные этим способом переживания истории, сосредоточены вокруг отношений, проходящих, но еще сохранившихся в настоящем. Чтобы действительно видеть мир глазами консерватора, нужно переживать события в категориях подходов, порожденных укорененными в прошлом общественными обстоятельствами и ситуациями, которые подвергались относительно небольшим изменениям до момента рождения современного консерватизма, а группы, которые культивируют эти подходы, еще не затронуты специфическими современными тенденциями общественной эволюции. Подлинно консервативная мысль черпает вдохновение и ранг, высший, чем обычная спекуляция, из факта, что эти подходы все еще живут в разных частях нашего общества.

Эти старые способы переживания мира сами придают консерватизму неповторимый характер.

*Перевод подготовлен Э.М. ТЕЛЯТНИКОВОЙ в
лаборатории теории и истории культуры ИНИОН
РАН*

Продолжение следует